

ПРАЗДНИК В ТРЕХ ГОРОДАХ МИРА

Глеб Шульпяков

С ТРАШНО подумать, как много успел сделать человек, умерший четыре года назад. Человека нет, но мотор, им заведенный, продолжает работать. На прилавках регулярно появляются книги — о нем и его: эссеистика, интервью, мемуары. Людей, которые «занимаются Бродским», становится все больше. Они летают через океан на конференции, копаются в собственной памяти или шарят по ящикам письменного стола.

Из памяти выплывают истории. Из пыльных ящиков — фотографии. Особенно замечательны ранние фотки, на которых запечатлен довольно крупный круглолицый парнишка с лицом, мелко засеянным веснушками. Зрелище довольно поучительное — такая иллюстрация, как образ может не совпадать с фактом. Или вот эта фотография «на медаль» для журнала Vogue — чем не парфраз бунинского «Данте в бабьем шлыке»?

Бродский — это и есть что-то вроде Данте или Гомера нашего времени: несколько городов вот уже несколько лет спорят за право называться его родным. Точнее, считают себя таковыми по умолчанию. Поэтому торжества в честь юбилея проходят в трех точках земной поверхности. В Ленинграде — мертвом городе его юности — Нью-Йорке — живом городе его жизни — и Венеции — мертвом городе его смерти.

Ленинград — с 24-го по 26-е — проводит конференцию. Таких собраний за последнее время было, кажется, три. В тесную редакцию «Звезды» понаедут со всех концов света. Прочитают доклады типа «Язык как судьба», «Бродский — Кушнер — Соснора. Три лика петербургской поэзии», «Поэт и время», «Инерция метафоры», «Другой Бродский: правда отчаяния или...», «Суэта, пустота и звезда в стихотворении Бродского «24 декабря 1971 года»», «Пленник времени в метафизическом пространстве».

Когда видишь доклады с такими заголовками, хочется выйти на улицу и выпить пива в каком-нибудь садике, где «*вот так, по старой памяти, собаки / на прежнем месте задирают лапу*». Рассуждения о «временах-пространствах», «судьбах-языках», «пленниках-странниках» заведомо ни к чему неприменимы. Чужой биографический опыт не нуждается ни в нас, ни в наших словах. Опыт ведь чужой — не свой. В карман не положишь.

Второй угол нашего «бродского треугольника» — Венеция: «мягкое подбрюшье Европы». Тут планировались визиты нобелевских лауреатов, концерты, чтения. Мэрия предоставляла залы. Но по ходу дела спонсоры отказывались платить, нобели под разными предлогами уклонялись от благородной миссии и предполагаемые торжества в Венеции съезжались до камерного съезда людей, которые нашли средства — чаще всего свои соб-

Независим — Бродский в виде Данте, только в меховой шапке.
Фото из журнала «Vogue»
Маяк газет. — 2000. — 24 мая. — с. 7

ственные — чтобы добраться к этому дню на Сан-Микеле. Почитать стихи. Посмотреть выставку фотографий и рисунков. В декорациях Венеции выглядит, согласитесь, заманчиво. Особенно, если учесть тот факт, что кругом гуляют праздные туристы со всех концов света, которые занимаются накоплением собственного опыта и плавать хотели на поэзию вообще и Бродского — в частности.

Что касается Нью-Йорка, то здесь вообще ничего происходить не будет. Не то место — хотя и окруженное водой. Элегические акты уместны среди руин Ленинграда или на фоне утопающей Венеции — но только не здесь. Нью-Йорк — как и Москва — слезам не верит. Вдова замыкает двери и никакой информации не дает. Четвертого июня, правда, в «Русском самоваре» соберутся и выпьют русские американцы: но дальше 52-й — или какой там? — улицы дело, надо думать, не двинется.

Недавно по ТВ показывали новые прогулки Бродского по Венеции с Рейном образца 93-го года. Оба азартно говорили друг с другом, причем по преимуществу использовали в речи стихотворные цитаты — кто больше и точнее. Происходило все в кафе «Флориано» — что-то вроде ресторана Дома писателей, где сидели Байрон и Стендаль.

И странное это было ощущение — наблюдать двух немолодых, в общем, людей, которые настолько доверяли языку поэзии. В этой бытовой ситуации считывалась, если угодно, глобальная романтическая иллюзия Бродского и его поколения — убеждение, что язык поэзии универсален, что на нем можно и должно говорить на всех уровнях действительности. А оказалось — наоборот. Оказалось, что поэзия — всего лишь один из языков, которым можно описывать реальность. И что для каждого ее уровня есть свои коды, не имеющиеся к стихам никакого отношения. И нет ничего бессмысленнее, чем путать эти самые языки, применяя их не по назначению.

Сегодня вообще интересны истории — а не их научная интерпретация. То, как Венцлова Бродскому всучил бутылку бальзама для Одена — и что из этого вышло. Все, что мы можем, — это выйти на Сан Марко и понять, что здесь по-прежнему пахнет тинной и кофе. А потом рассказать об этом в ближайших номерах нашей газеты. Потому что

*И если довелось мне говорить
серьез об эстафете поколений,
то верю только в эту эстафету.
Вернее, в тех, кто ощущает
запах.* ■

(Полностью текст будет опубликован в завтрашнем номере «*Ex libris HI*»)